

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

Факультет подготовки специалистов для судебной системы очной
формы обучения
(Очный юридический факультет)

КОНКУРСНАЯ РАБОТА

по дисциплине:
«Уголовное право»

«Уголовно-правовая оценка
изъятия органов и (или) тканей человека
в условиях вооружённого конфликта
в аспектах de lege lata и de lege ferenda»

Выполнила:

студентка 4 курса

группы 2С

О.С. Заливохина

Научный руководитель:

кандидат юридических наук, доцент

Д.А. Дорогин

Дата представления работы

«__» _____ года

Москва
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Общая характеристика изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.....	5
§ 1. Основание криминализации и правовая регламентация изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.....	5
§ 2. Изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта: теоретическая модель состава преступления.....	9
Глава 2. Актуальные проблемы уголовной ответственности за изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.....	15
§ 1. Проблемы квалификации посмертного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.....	15
§ 2. Проблемы квалификации прижизненного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.....	21
§ 3. Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за противоправное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта	26
Заключение.....	34
Библиографический список.....	38

Введение

Актуальность темы исследования. Современные международные отношения характеризуются тем, что вооружённые конфликты становятся одним из основных способов разрешения разногласий между государствами. Кроме того, нередки случаи ведения военных действий государством в целях решения внутривнутриполитических задач, когда военный конфликт носит не международный, а локальный характер.

В условиях вооружённого конфликта, как международного, так и немеждународного характера, обеспечение охраны прав человека, его основных свобод требует несколько иных мер, нежели в мирное время. Правовое регулирование и охрана общественных отношений, возникающих в условиях вооружённого конфликта, должно учитывать ряд специфических особенностей, характеризующих данные условия. Прежде всего, необходимо отметить, что достижение цели эффективного противодействия нарушениям прав и свобод человека в условиях вооружённого конфликта невозможно в рамках отдельно взятого государства, что обуславливает необходимость международного сотрудничества в данной сфере.

Наряду с этим, в настоящее время противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека, вызывают всё большее беспокойство у мирового сообщества. Стремительное развитие трансплантологии и существующий в мире дефицит донорских органов и тканей обуславливает интерес преступных групп к деятельности, направленной на получение биологических объектов человека и их последующий сбыт. Указанная криминальная деятельность нередко носит транснациональный характер. Зачастую потенциальные доноры и реципиенты переправляются с территории разных государств на территорию третьего, где происходит изъятие и пересадка органов и (или) тканей.

Следует отметить, что противоправное изъятие органов и (или) тканей человека является сложным по своей организации и исполнению преступлением, возможность совершения которого в условиях вооружённого конфликта существенно облегчается. Жертвами «чёрных трансплантологов» становятся наиболее уязвимые категории лиц: раненые, больные, задержанные, военнопленные и т.п.

Исходя из этого, обеспечение эффективной охраны общественных отношений от данного вида посягательств является актуальной задачей, как российского государства, так и мирового сообщества в целом.

Отдельные проблемы уголовной ответственности за международные преступления, в т.ч. за противоправное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта затрагивались в исследованиях учёных: Г.И. Богуша, Д.А.

Дорогина, Г.А. Есакова, А.Г. Кибальника, В.Н. Русиновой, И.Г. Соломенко и др., что свидетельствует об актуальности теоретического анализа данной темы.

Объект исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие по поводу соблюдения международных обязательств государства в сфере защиты интересов лиц, пользующихся международной защитой во время вооружённых конфликтов как международного, так и немеждународного характера.

Цель и задачи исследования. Целью исследования выступает теоретическое обобщение научных подходов и практики квалификации преступлений, связанных с изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.

Задачами данной работы являются: анализ оснований криминализации и правовой регламентации изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта; построение теоретической модели состава преступления, связанного с изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта; выявление проблем уголовной ответственности за изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта; определение путей развития российского уголовного законодательства об ответственности за противоправное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.

Методология исследования. Методологическую основу работы составляет диалектический метод, при помощи которого те или иные явления анализируются в динамике и во взаимосвязи со смежными феноменами. Помимо этого, использовались частнонаучные методы: формально-юридический, логико-семантический, системный и другие.

Источники. При написании работы были использованы действующее российское законодательство, международные правовые акты, уголовное законодательство зарубежных стран, судебная практика, научная, а также учебная литература.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих два и три параграфа соответственно, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Общая характеристика изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта

§ 1. Основание криминализации и правовая регламентация изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта

В настоящее время правовые нормы, регулирующие ведение вооружённых конфликтов и направленные на защиту лиц, принимающих участие в военных действиях, а также лиц, не принимающих непосредственного участия в них (гражданских лиц, медицинского персонала и др.), образуют самостоятельную отрасль международного права – международное гуманитарное право. Его ядро составляют Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним, именуемые в литературе «правом Женевы».

Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях¹ (далее – I Женевская конвенция) предусматривают защиту раненых, больных лиц, медицинских формирований, медицинского и духовного персонала, а также санитарно-транспортных средств.

Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море² (далее – II Женевская конвенция) специально предназначена для применения к военным действиям на море и в основном распространяется на тот же круг лиц, что и I Женевская конвенция.

Женевская конвенция об обращении с военнопленными³ (далее – III Женевская конвенция) устанавливает перечень лиц, имеющих статус военнопленных, и предоставляет им ряд правовых гарантий в целях обеспечения гуманного обращения с такими лицами.

¹ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Вместе с Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях) (Заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 71-100, 279.

² Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море (Заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 101-124, 279.

³ Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Вместе с Типовым соглашением по вопросу о непосредственной репатриации и госпитализации в нейтральной стране раненых и больных военнопленных, Положением о смешанных медицинских комиссиях, Правилами, касающимися коллективных посылок помощи военнопленным и Типовыми правилами, касающимися денежных переводов) (Заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 125-204, 279-280.

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны⁴ (далее – IV Женевская конвенция) определяет статус гражданских лиц на оккупированной территории и предусматривает обязанности, запреты и ограничения оккупирующей стороны по отношению к гражданскому населению.

Появление новых методов и средств ведения войны, а также увеличение числа вооружённых конфликтов, в основном, немеждународного характера, обусловило необходимость наложения дополнительных ограничений на государства в целях усиления защиты жертв вооружённых конфликтов. В связи с этим были приняты три Дополнительных протокола к Женевским конвенциям: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов⁵ (далее – I Протокол), Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера⁶ и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы⁷.

Особенностью указанных международных правовых актов является то, что в них предусматриваются не только гарантии для лиц, вовлечённых в вооружённый конфликт, но и ответственность для допустивших серьёзные нарушения международного гуманитарного права. Так, Женевские конвенции предусматривают обязанность стран-участниц ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьёзные нарушения норм международного гуманитарного права (ст. 49 I Женевской конвенции, ст. 50 II Женевской конвенции). При этом нарушения и серьёзные нарушения положений Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям имеют единую природу и механизм пресечения (п. 1 ст. 85 I Протокола).

⁴ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Вместе с Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях, Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным) (Заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 204-278, 280.

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I) (подписан в г. Женеве 08.06.1977 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134-182.

⁶ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (подписан в г. Женеве 08.06.1977 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 182-191.

⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III) (подписан в г. Женеве 08.12.2005 г.). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

Следует отметить, что институт международной уголовной ответственности, в т.ч. ответственности за нарушения «права Женевы», является одним из основополагающих институтов не международного гуманитарного права, а международного уголовного права, под которым следует понимать отрасль международного публичного права, представляющую собой совокупность общепризнанных международно-правовых принципов и норм, регламентирующих отношения между субъектами международного права в связи с предупреждением международных преступлений и преступлений международного характера и привлечению к ответственности лиц, их совершивших⁸.

Представляется, что изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, является международным преступлением, поскольку по смыслу Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним данное деяние содержит все признаки серьёзного нарушения международного гуманитарного права.

Так, согласно ст. 13 III Женевской конвенции запрещаются и рассматриваются как серьёзные нарушения Конвенции любые действия, ставящие здоровье военнопленного под серьёзную угрозу, в частности, научные или медицинские опыты какого бы то ни было характера, которые не оправдываются соображениями лечения и интересами военнопленного.

Ст. 11 I Протокола устанавливает, что физическому или психическому состоянию здоровья и неприкосновенности лиц, находящихся во власти противной стороны, или интернированных, задержанных или каким-либо иным образом лишённых свободы в условиях международного вооружённого конфликта не должен наноситься ущерб путём какого-либо неоправданного действия или упущения. Кроме того, в п. «в» п. 2 настоящей статьи устанавливается прямой запрет на удаление тканей или органов для пересадки без соответствующих медицинских показаний у указанных лиц.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день также сложилась система международной уголовной юстиции, позволяющая осуществлять правосудие в отношении лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления: преступления агрессии, геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Она включает: национальные суды, к юрисдикции которых отнесено рассмотрение дел о международных преступлениях, международные уголовные трибуналы, смешанные трибуналы и Международный уголовный суд⁹. Практика, выработанная указанными судами,

⁸ См.: Костенко Н.И. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. М., 2016. С. 66.

⁹ См.: Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 37.

затрагивает в т.ч. и вопросы серьёзных нарушений норм, содержащихся в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним.

В соответствии с подп. «а» («i», «ii», «iii») п. 2 ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда¹⁰ (далее – Римский Статут МУС) убийство, пытки, бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, умышленное причинение сильных страданий или серьёзных телесных повреждений или ущерба здоровью в условиях вооружённого конфликта международного характера являются серьёзными нарушениями Женевских конвенций и входят в группу военных преступлений, относящихся к юрисдикции МУС. Кроме того, к компетенции МУС отнесено рассмотрение уголовных дел, связанных с посягательством на жизнь и личность, убийством, причинением увечий, жестоким обращением и пытками, совершёнными в условиях вооружённого конфликта немеждународного характера (подп. «с» («i») п. 2 ст. 8 Римского Статута МУС). Данные деяния также являются военными преступлениями.

Как известно, основанием криминализации того или иного деяния является его общественная опасность¹¹. Преступления, связанные с изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, обладают высокой общественной опасностью, поскольку посягают не только на жизнь и здоровье лиц, находящихся в особо уязвимом положении и пользующихся защитой «права Женевы», но и на общественные отношения, обеспечивающие выполнение международных обязательств государства¹². Кроме того, в ст. 1 Римского Статута МУС содержится норма, согласно которой МУС уполномочен рассматривать дела только о самых серьёзных преступлениях, вызывающих озабоченность международного сообщества. К числу таких преступлений относится в т.ч. и изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.

Также нельзя не отметить, что в последние несколько десятилетий число случаев противоправного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта значительно возросло, что обусловлено развитием трансплантологии и объективной сложностью раскрытия и расследования подобных преступлений в такой обстановке. Тем не менее, в средствах массовой информации появляются данные о случаях противоправного изъятия органов и (или) тканей лиц, ставших жертвами вооружённых конфликтов. Например, 29.09.2014 г. специальный представитель ОБСЕ по

¹⁰ Римский Статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998 г.). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 58; Энциклопедия уголовного права. Т. 1. СПб., 2005. С. 75 (Авторы главы – Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко).

¹² См.: Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // Lex russica. 2015. № 9. С. 76.

борьбе с торговлей людьми заявил об обнаружении массовых захоронений тел без внутренних органов в зоне вооружённого конфликта на востоке Украины¹³. Также широкую огласку получил случай противоправного изъятия органов и тканей у беженцев, оказавшихся на территории Турции: так называемые «чёрные трансплантологи» изымали у мигрантов органы, а затем выбрасывали их тела в Средиземное море¹⁴.

Таким образом, в обстановке международной напряжённости, существующей в мире в настоящее время, особенно актуальной становится проблема обеспечения эффективных средств охраны прав и свобод лиц, как являющихся участниками вооружённых конфликтов, так и непосредственно не участвующих в них.

Основные гарантии для лиц, вовлечённых в вооружённые конфликты международного и немеждународного характера, устанавливаются Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним. Указанные документы предусматривают также уголовную ответственность для лиц, допустивших серьёзные нарушения международного гуманитарного права.

Реализация уголовной ответственности за наиболее серьёзные нарушения положений, провозглашённых в «праве Женевы», требует особых механизмов, действие которых только на национальном уровне не всегда возможно. В целях отправления правосудия по уголовным делам о преступлениях, связанных с серьёзными нарушениями международного права, создана система органов международной юстиции, основным из которых является Международный уголовный суд.

Исходя из анализа международных правовых актов, можно заключить, что изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта является серьёзным нарушением Женевских конвенций и признаётся военным преступлением, относящимся к юрисдикции МУС.

§ 2. Изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта: теоретическая модель состава преступления

Представляется, что основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются наиболее важные общественные отношения, причинение вреда которым вызывает озабоченность международного сообщества, а также обеспечение которых достигается путём добросовестного выполнения государствами международных

¹³ См.: Сотрудник СБУ рассказал, как в зоне АТО «потрошат» людей на органы // МК.ru <<http://www.mk.ru/social/2015/11/11/sotrudnik-sbu-rasskazal-kak-v-zone-ato-potroshat-lyudey-na-organy.html>> (дата обращения: 09.10.2017).

¹⁴ См.: Греческие рыбаки: в Турции вырезали из мигрантов органы и скидывали трупы в море // Вести.ru <<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2765644>> (дата обращения: 09.10.2017).

обязательств в части гуманного отношения к лицам, вовлечённых в вооружённый конфликт.

Между тем, в литературе встречается мнение, что отношения, характеризующие выполнение международных обязательств государства в рамках принципа *parata sunt servanda*¹⁵, являются дополнительным объектом рассматриваемого преступления¹⁶. В качестве основного объекта рассматриваются, прежде всего, жизнь и здоровье личности.

Данная позиция видится спорной. Необходимо отметить, что, безусловно, деяния, связанные с изъятием органов и (или) тканей человека, создают непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан, а в случае изъятия трансплантатов у трупа имеет место посягательство на общественные отношения в сфере погребальной обрядности как элемента общественной нравственности¹⁷. Однако жизнь и здоровье личности будут являться непосредственным объектом преступного посягательства в случае совершения, соответственно, убийства в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего либо умышленного причинения вреда здоровью в тех же целях в мирное время. Если же указанные деяния совершаются в условиях вооружённого конфликта, то жизнь и здоровье должны рассматриваться в качестве дополнительных объектов преступления.

Следует отметить, что само по себе изъятие органов и (или) тканей человека является преступлением международного характера, поскольку запрещено Конвенцией Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г.¹⁸ (далее – Конвенция против торговли человеческими органами), вопрос о ратификации которой Российской Федерацией в настоящее время рассматривается. В связи с этим необходимо привести следующий пример.

Так, Конвенция о рабстве 1926 г.¹⁹ устанавливает запрет на использование принудительного труда, однако правовая оценка соответствующих нарушений изменяется в условиях военного времени. Привлечение к труду лиц, находящихся во власти противной стороны, регламентировано в «праве Женевы». Так, согласно ст. 50 III Женевской конвенции военнопленные могут привлекаться к принудительному

¹⁵ договоры должны исполняться (лат).

¹⁶ См.: Дорогин Д.А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование. М., 2016. С.152.

¹⁷ См.: Исмагилов Р.А., Шарапов Р.Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны. М., 2014. С. 21.

¹⁸ Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (Заключена в г. Сантьяго-де-Компостела 25.03.2015 г.). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 года, с изменениями, внесёнными Протоколом от 7 декабря 1953 года (Заключена в г. Женеве 25.09.1926 года). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

труду для выполнения отдельных видов работ, перечень которых определен Конвенцией. Аналогичное положение, касающееся гражданского населения, содержится в ст. 51 IV Женевской конвенции. В то же время порабощение гражданских лиц, т.е. осуществление любого из правомочий, связанных с правом собственности в отношении человека, является преступлением против человечности (подп. «с» п. 1 ст. 7 Римского Статута МУС). Аналогичные соображения могут быть отнесены и к деяниям, запрещенным Конвенцией против торговли человеческими органами.

Следовательно, обстановка вооруженного конфликта, в которой совершается деяние, существенно изменяет его уголовно-правовую оценку. Это обусловлено не только различной общественной опасностью преступлений, совершенных в военное и мирное время, но и теми общественными отношениями, которые страдают вследствие их совершения. Изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооруженного конфликта следует рассматривать как международное преступление, основным непосредственным объектом которого являются отношения, затрагивающие всё человечество и характеризующие выполнение международных обязательств государства, а дополнительным – жизнь и здоровье личности.

Особенностью изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооруженного конфликта является особый круг лиц, могущих быть потерпевшими от данного преступления. Прежде всего, потерпевший должен обладать особым статусом – являться покровительствуемым лицом по смыслу «права Женевы». Из анализа международных правовых актов следует, что потерпевшими могут признаваться следующие категории лиц:

- 1) Комбатанты, т.е. лица, принимающее непосредственное участие в боевых действиях в составе вооруженных сил одной из сторон вооруженного конфликта;
- 2) Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях (некомбатанты): гражданское население, медицинский и духовный персонал, гуманитарные работники, интендантский персонал, корреспонденты, военные юристы²⁰;
- 3) Раненые, больные и потерпевшие кораблекрушение, независимо от их вхождения в состав вооруженных сил, сложившие оружие комбатанты;
- 4) Лишенные свободы в условиях вооруженного конфликта (включая военнопленных и задержанных);
- 5) Шпионы и наёмники.

²⁰ См.: Егоров А.Ю. Правовой статус некомбатантов (на примере религиозного персонала) // Политика, государство и право. 2015. № 6.

Особый интерес представляет собой статус шпионов и наёмников, которые хотя и принимают участие в вооружённом конфликте, но не признаются комбатантами (ст. 46, 47 I Протокола). По смыслу норм, содержащихся в I Протоколе, при попадании в плен таких лиц, они не приобретают статуса военнопленных и лишены гарантий, предусмотренных III Женевской конвенцией. Кроме того, шпионаж и наёмничество сами по себе являются отдельными преступлениями. Однако противоправное изъятие органов и (или) тканей у лица, являющегося шпионом или наёмником, является общественно опасным деянием, которое должно находить соответствующую уголовно-правовую оценку. Указанные лица пользуются гарантиями, которые предусмотрены для гражданских лиц, следовательно, изъятие у них органов и (или) тканей также будет являться военным преступлением²¹.

Анализируемое преступление представляет собой деяние, которое может совершаться только путём действия и влечёт общественно опасные последствия в виде смерти либо причинения вреда здоровью различной степени тяжести. Изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта совершается путём хирургического вмешательства, необусловленного медицинскими показаниями. Данное деяние может быть прижизненным (подп. «а» («i»), «b» («x»), «с» («i»), «е» («xi») п. 2 ст. 8 Римского Статута МУС) либо посмертным. Посмертное изъятие указанных биологических объектов может быть опосредовано совершением убийства и, как правило, выступает его целью. Убийство лица, находящегося под защитой Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, является самостоятельным преступлением (подп. «а» («i»), «b» («vi»), «xi»), «с» («i»), «е» («ix») п. 2 ст. 8 Римского Статута МУС. Следует отметить, что изъятие органов и (или) тканей человека *ex mortuo*²² в международном уголовном праве не является самостоятельным преступлением. Тем не менее, общественные отношения в сфере обращения с телом человека после его смерти в условиях вооружённого конфликта урегулированы нормами международного гуманитарного права. Так, в соответствии со ст. 17 I Женевской конвенции стороны, находящиеся в конфликте, обязаны обеспечивать погребение умерших с честью и, если возможно, согласно обрядам религии, к которой они принадлежат, а также уважительное отношение к могилам. Однако несоблюдение указанной нормы не признаётся серьёзным нарушением международного гуманитарного права. Исходя из этого, изъятие органов и (или) тканей у трупа в условиях вооружённого конфликта, будучи общественно опасным

²¹ См.: Дорогин Д.А. Изъятие органов или тканей человека в условиях вооружённого конфликта: теоретическая модель состава преступления и уголовно-правовая оценка в международном и российском уголовном праве // Российское правосудие. 2017. № 11(139). С. 89-90/

²² посмертно (лат.).

деянием, нарушающим право человека на достойное отношение к его телу после смерти, не может рассматриваться как международное преступление. Между тем, в рамках национального законодательства государства не лишены права криминализировать указанное деяние.

Обязательным признаком объективной стороны преступления, связанного с изъятием органов и (или) тканей человека, является обстановка вооружённого конфликта как международного, так и немеждународного характера. Согласно ст. 2, общей для Женевских конвенций, под вооружённым конфликтом международного характера следует понимать все возникшие между двумя или более государствами случаи объявленной войны или иного вооружённого конфликта, даже если состояние войны не признаётся одним из этих государств, а также полную или частичную оккупацию территории государства, даже если эта оккупация не встретит никакого вооружённого сопротивления. Вооружённый конфликт немеждународного характера характеризуется использованием вооружённого насилия властями, организованными группами и подобными им группами внутри государства²³.

Субъективная сторона изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта характеризуется прямым умыслом. При этом не требуется знания исполнителем характеристики вооружённого конфликта как международного или немеждународного, достаточно лишь осознания им фактических обстоятельств, определяющих существование вооружённого конфликта²⁴. Несмотря на то, что наличие мотива или цели не должно являться конструктивным признаком состава рассматриваемого преступления, на практике виновные лица, как правило, преследуют цель использования органов и (или) тканей для трансплантации либо в коммерческих целях (продажа, изготовление сувениров, косметических средств, лекарственных препаратов и т.п.). Исходя из этого, мотивы изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта носят преимущественно корыстный характер.

Субъектом преступления по международному уголовному праву является вменяемое, способное отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими лицо, достигшее возраста 18 лет²⁵. Так, в соответствии со ст. 26 Римского Статута МУС данный суд не обладает юрисдикцией в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста на момент совершения преступления. В то же время, как отмечалось выше, существующая на

²³ См.: Решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Прокурор против Тадича» // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <<http://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/51002.html>> (дата обращения: 10.10.2017).

²⁴ См.: Костенко Н.И. Указ. соч. С. 332.

²⁵ См.: там же. С. 187.

сегодняшний день система международной уголовной юстиции включает в себя национальные суды, которые уполномочены рассматривать дела о международных преступлениях в соответствии с национальным правом. Например, согласно ст. 23 и 404 УК Таджикистана²⁶ субъектом преступления, заключающегося в проведении операций по удалению тканей или органов для пересадки у лиц, находящихся во власти противной стороны, задержанных или каким-либо иным образом лишённых свободы в условиях вооружённого конфликта, является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Несмотря на то, что субъект преступления является общим, изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта вряд ли может совершаться обычными людьми. Как правило, для этого необходимо участие медицинских работников или иных лиц, имеющих познания в области трансплантологии. Кроме того, изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта невозможно без использования публичных ресурсов, которыми обладает командование вооружённых сил стороны, находящейся в конфликте. Другими словами, рассматриваемое преступление обычно совершается в соучастии.

В международном уголовном праве определённые особенности имеет квалификация действий командиров и других начальников, допустивших совершение военного преступления силами, находящимися под их эффективным контролем²⁷. Так, лицо, отдавшее незаконный приказ изъять органы и (или) ткани у лица, находящегося под защитой Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, несёт уголовную ответственность в качестве исполнителя преступления²⁸. Лицо, хотя и не являющееся сторонником преступного плана, но позволившее использовать ресурсы подчинённых ему людей для его реализации, признаётся пособником²⁹.

Таким образом, основным непосредственным объектом изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта являются наиболее важные общественные отношения, причинение вреда которым вызывает озабоченность международного сообщества, а также обеспечение которых достигается путём

²⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // ИС «Параграф» <http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#pos=3898;266&pos2=231;0> (дата обращения: 11.10.2017 г.).

²⁷ См.: Костенко Н.И. Указ. соч. С. 331.

²⁸ См.: Решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Прокурор против Стакича» // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <<http://www.icty.org/x/cases/stakic/tjug/en/stak-tj030731e.pdf>> (дата обращения: 11.10.2017).

²⁹ См.: Решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Прокурор против Крстича» // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <<http://www.icty.org/x/cases/krstic/acjug/en/krs-aj040419e.pdf>> (дата обращения: 11.10.2017).

добросовестного выполнения государствами международных обязательств в части гуманного отношения к лицам, вовлечённым в вооружённый конфликт. Дополнительным объектом анализируемого преступления может быть жизнь либо здоровье личности.

Потерпевшим может быть только лицо, являющееся покровительством по смыслу Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним.

Рассматриваемое преступление может совершаться только путём действия и влечёт общественно опасные последствия в виде смерти либо причинения вреда здоровью различной степени тяжести. Способом совершения анализируемого деяния является хирургическое вмешательство в организм живого человека, в результате которого удаляется тот или иной орган и (или) ткань. Аналогичные действия в отношении трупа человека с позиции международного уголовного права не признаются преступлением. Обязательным признаком объективной стороны деяния является обстановка международного или немеждународного вооружённого конфликта.

Субъективная сторона изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта характеризуется прямым умыслом.

Субъектом преступления по международному уголовному праву является достигшее возраста 18 лет, вменяемое, способное отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими физическое лицо. Однако в рамках национального законодательства возраст уголовной ответственности может быть снижен.

В подавляющем большинстве случаев рассматриваемое преступление совершается в соучастии. Как правило, в преступную входят группу медицинские работники и командование вооружённых сил стороны, участвующей в вооружённом конфликте. Однако даже если командир или другой начальник непосредственно не совершает все преступные действия, он подлежит уголовной ответственности за преступление, совершённое находящимися под его контролем силами (ст. 28 Римского Статута МУС).

Глава 2. Актуальные проблемы уголовной ответственности за изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта

§ 1. Проблемы квалификации посмертного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта

Как отмечалось выше, посмертное изъятие органов и (или) тканей человека не признаётся серьёзным нарушением международного гуманитарного права и не рассматривается как международное преступление. В то же время нарушение положений о достойном отношении к телам умерших, закреплённых в ст. 17 I Женевской конвенции, нарушает принцип *resta sunt servanda*. Кроме того, противоправное изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти является общественно опасным деянием, которое требует самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Так, согласно правовой позиции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) отношения, связанные с обращением с телом человека после его смерти затрагивают право на уважение личной и семейной жизни³⁰. Исходя из этого, в случае противоправного изъятия органов и (или) тканей у трупа имеет место нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³¹. Помимо этого, ст. 4 Конвенции против торговли человеческими органами предусматривает обязанность государств-участников предусмотреть в национальном законодательстве уголовную ответственность за незаконное изъятие органов у умершего донора.

Также следует отметить, что ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации³² (далее – Конституция РФ) закрепляет право человека на охрану достоинства личности. Представляется, что право на достойное отношение к телу умершего является производным от названного конституционного права. Кроме того, Конституционный Суд РФ отмечает, что закреплённое в ч. 1 ст. 22 Конституции РФ право на личную неприкосновенность в части, исключающей незаконное физическое воздействие на тело человека, распространяется не только на период его прижизненного существования, но и создаёт предпосылки для правовой охраны тела человека после смерти³³.

³⁰ См.: Постановление ЕСПЧ от 06.06.2013 г. по делу «Масхадова и другие (Maskhadova and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 18071/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 4; Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 г. по делу «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики» (жалоба № 61243/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3 (15).

³¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

³² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014 г. № 31. Ст. 4398.

³³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к

В настоящее время в нашей стране основным средством уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере обращения с телом человека после его смерти является ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации³⁴ (далее – УК РФ), предусматривающая ответственность за надругательство над телами умерших. Представляется, что *de lege lata*³⁵ уголовная ответственность лица, незаконно изъявшего органы и (или) ткани трупа в условиях вооружённого конфликта, предусмотрена ч. 1 ст. 244 УК РФ. Однако, поскольку указанное преступление в большинстве случаев совершается в составе группы, то при наличии к тому оснований изъятие органов и (или) тканей трупа в условиях вооружённого конфликта должно квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 244 УК РФ.

Между тем, действующая редакция указанной уголовно-правовой нормы видится несовершенной.

Проблемным является вопрос об определении предмета надругательства над телами умерших. Многие нормативные правовые акты Российской Федерации оперируют такими понятиями, как останки, труп, тело человека после смерти, не давая при этом дефиниции ни одному из них. УК РФ для обозначения тела человека после его смерти как предмета преступления использует категорию «тела умерших». Тем не менее, представляется, что понятие «труп человека» является наиболее универсальным и в наибольшей степени подходит для регламентации предмета преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ. Таким образом, в отечественном праве отсутствует терминологическое единообразие, что является серьёзным упущением законодателя. Так, по действующему закону прах, скелет, отдельные части тела человека, тела мертворождённых, гибель которых наступила до физиологического начала родов, не могут рассматриваться в качестве предмета данного преступления.

Кроме того, буквальное толкование диспозиции ст. 244 УК РФ позволяет квалифицировать по данной норме надругательство над телами как минимум двух умерших, поскольку законодатель для закрепления предмета преступления использует множественное число³⁶. Следует отметить, что суды для уяснения смысла данной уголовно-правовой нормы используют приём экстенсивного толкования, и

рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

³⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996 г. № 25. Ст. 2954.

³⁵ по действующему закону (лат.).

³⁶ См.: Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 49.

квалифицируют действия виновного лица по ст. 244 УК РФ вне зависимости от того, имело место надругательство над телом одного или нескольких умерших³⁷. Однако, как справедливо отмечается в литературе, поскольку распространительное толкование имеет сходство с аналогией закона, которая в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ не допускается, прибегать к данному приёму необходимо в исключительных случаях; в то же время законодатель должен стремиться к уточнению составов преступлений и сужению возможности их экстенсивного толкования³⁸.

При описании объективной стороны преступного посягательства на тело человека после его смерти используется термин «надругательство», легальное определение которого в уголовном законе отсутствует. Исходя из анализа судебной практики, можно выделить следующие типичные формы надругательства над телами умерших: расчленение тела умершего, т.е. отсечение отдельных частей тела³⁹; обезображивание трупа⁴⁰; *противоправное изъятие органов или тканей трупа*⁴¹; незаконное извлечение тела умершего из места захоронения⁴²; иные циничные действия в отношении трупа (акты некрофилии, покрытие тела нечистотами, внедрение в тело умершего посторонних предметов и т.п.)⁴³.

Рассмотренные выше недостатки регламентации уголовной ответственности за надругательство над телами умерших порождают проблемы квалификации противоправных действий в отношении трупа человека, в т.ч. посмертному изъятию

³⁷ См.: Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области от 28.12.2011 г. по делу № 1-586/2011 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-novocherkasskij-gorodskoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-461400503/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.).

³⁸ См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2009. С. 46 (Автор главы – А.И. Чучаев).

³⁹ См.: Приговор Алексинского городского суда Тульской области от 16.06.2011 г. по делу № 1-56/11// РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-aleksinskij-gorodskoj-sud-tulskaya-oblast-s/act-100569283/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.).

⁴⁰ См.: Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края от 18.04.2012 г. по делу № 1-158/12 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-georgievskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-104598936/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.).

⁴¹ См.: Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия от 27.08.2009 г. по делу № 1-184/2009 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-askizskij-rajonnyj-sud-respublika-xakasiya-s/act-102880713/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.).

⁴² См.: Приговор Печорского городского суда Республики Коми от 28.07.2010 г. по делу № 1-254/10 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-pechorskij-gorodskoj-sud-respublika-komi-s/act-100110345/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.).

⁴³ См., напр.: Приговор Ижемского районного суда Республики Коми от 13.02.2015 г. по делу № 1-2/15 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-izhenskij-rajonnyj-sud-respublika-komi-s/act-518568299/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.); Приговор Саратовского областного суда от 13.06.2012 г. по делу № 2-30/2012 // Саратовский областной суд <http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=64400001208201732266091001222441> (дата обращения: 16.10.2017 г.).

органов и (или) тканей, как в мирное, так и в военное время. Между тем, такой признак, как совершение преступления в условиях вооружённого конфликта, *de lege lata* никак не влияет на квалификацию содеянного. Безусловно, совершение преступления в обстановке вооружённого конфликта повышает его общественную опасность, однако, как отмечалось выше, изъятие органов и (или) тканей у трупа не признаётся серьёзным нарушением международного гуманитарного права. Исходя из этого, видится чрезмерным введение в УК РФ отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за надругательство над трупом человека в условиях вооружённого конфликта. В то же время представляется обоснованным решение законодателя предусмотреть в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления, среди прочего, и в такой обстановке (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Таким образом, факт того, что органы и (или) ткани трупа изымались в условиях вооружённого конфликта, хотя и не влияет на квалификацию содеянного, но учитывается судом при назначении наказания.

Следует отграничивать случаи противоправного изъятия органов и (или) тканей у трупа, образующих состав надругательства над телами умерших, от убийства в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»⁴⁴, глумление над трупом после совершения убийства следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ. Однако представляется, что в случае, если органы и (или) ткани изымаются у лица в процессе или после убийства, дополнительная квалификация по ст. 244 УК РФ не требуется, если умысел лица на эксплантацию указанных биологических объектов возник до совершения убийства, и виновный при совершении преступления преследовал цель их последующего использования. Другими словами, в анализируемом случае виновный несёт уголовную ответственность только за убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего, предусмотренное п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данный подход обусловлен особенностью законодательной конструкции такого элемента состава рассматриваемого преступления, как цель. Убийство, совершённое в целях использования органов или тканей потерпевшего, является окончанным с момента наступления общественно опасного последствия – смерти потерпевшего. При этом для признания преступления окончанным достижения виновным указанной цели не требуется, достаточно установить только факт её наличия. В то же время, органы и ткани человека являются частью

⁴⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.

организма потерпевшего и их *использование* возможно только после их *изъятия*. Поэтому достижению цели использования органов и (или) тканей потерпевшего во всяком случае предшествует их изъятие, которое является промежуточным этапом в реализации умысла виновного. В то же время, если умысел на изъятие и (или) использование биологических объектов человека возник после совершения убийства, то содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ст. 244 УК РФ.

Кроме того, важно учитывать, что изъятие органов и (или) тканей может выступать способом совершения убийства. В этом случае фактически имеет место прижизненная эксплантация биологических объектов человека.

Как отмечалось ранее, убийство лица, совершённое в условиях вооружённого конфликта, является серьёзным нарушением международного гуманитарного права и признаётся военным преступлением (подп. «а» («i»), «b» («vi»), «xi»), «с» («i»), «е» («ix») п. 2 ст. 8 Римского Статута МУС). Исходя из этого, в случае совершения указанного преступления, помимо такого объекта уголовно-правовой охраны, как жизнь человека, страдают также общественные отношения в сфере надлежащего выполнения международных обязательств государства. В связи с этим необходимо обратить внимание на парадоксальную ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в российском уголовном праве.

Так, простое убийство военнопленного или гражданского лица в условиях вооружённого конфликта должно *de lege lata* квалифицироваться по ч. 1 ст. 356 УК РФ как жестокое обращение. Жестокое обращение в практике международных трибуналов *ad hoc*⁴⁵ трактуется максимально широко и включает в себя убийство, пытки, биологические эксперименты, причинение тяжелых физических страданий и т.п.⁴⁶. При наличии же отягчающих обстоятельств, в т.ч. цели использования органов или тканей потерпевшего, убийство указанных лиц надлежит квалифицировать также по ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.е. по совокупности преступлений⁴⁷. Однако в случае совершения аналогичного деяния в отношении других лиц, находящихся под защитой «права Женевы», но не обладающих статусом военнопленных или гражданских лиц (например, комбатанта, сложившего оружие), квалификация по ч. 1 ст. 356 УК РФ не представляется возможной. В этом случае ответственность виновного лица наступает по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

⁴⁵ для данного случая (лат.).

⁴⁶ См.: Решение Международного трибунала по бывшей Югославии от 16.11.1998 г. по делу «Прокурор против З. Делалича, З. Мусича, Х. Делича и Э. Ландзо» («Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo») (Дело № IT-96-21-T) // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <http://www.icty.org/x/cases/mucic/tjug/en/981116_judg_en.pdf> (дата обращения: 16.10.2017 г.).

⁴⁷ См.: Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. М., 2003. С. 151.

Такая регламентация уголовной ответственности за убийство лиц, находящихся под покровительством Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, видится крайне нелогичной. Возможные пути решения обозначенной проблемы будут предложены в § 3 настоящей главы.

Таким образом, в настоящее время охрана общественных отношений от посягательств, связанных с посмертным изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, обеспечивается рядом уголовно-правовых норм. Так, изъятие органов и (или) тканей трупа по общему правилу надлежит квалифицировать по ст. 244 УК РФ с применением п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ при назначении наказания.

Необходимо отграничивать случаи противоправного изъятия органов и (или) тканей у трупа, образующие состав надругательства над телами умерших, от убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При наличии у виновного на момент убийства указанной цели изъятие трансплантатов охватывается составом убийства, поскольку является промежуточным этапом реализации умысла.

Поскольку убийство лица, совершённое в условиях вооружённого конфликта, является серьёзным нарушением международного гуманитарного права, то основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие реализацию принципа *pacata sunt servanda*. В связи с этим, убийство в целях использования органов или тканей лица, находящегося под защитой Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, совершённое в условиях вооружённого конфликта, должно рассматриваться как преступление против мира и безопасности человечества. Однако *de lege lata* уголовная ответственность по ч. 1 ст. 356 УК РФ предусмотрена только за совершение убийства ограниченного круга лиц, покровительствуемых по смыслу «права Женевы», и при отсутствии отягчающих обстоятельств. В связи с тем, что цель использования органов или тканей потерпевшего является отягчающим признаком убийства, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных «м» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 356 УК РФ, что не в полной мере соответствует принципу *non bis in idem*⁴⁸.

§ 2. Проблемы квалификации прижизненного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта

⁴⁸ не дважды за одно и то же (лат.).

Согласно положениям Закона РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁴⁹ посмертное донорство пользуется приоритетом перед прижизненным. Кроме того, в настоящее время в России действует презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей у трупа. Другими словами, любое умершее лицо является потенциальным донором, если учреждение здравоохранения не было поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту. Отсутствие эффективного механизма для выражения лицом несогласия на изъятие его органов и (или) тканей *ex vivo*⁵⁰, послужило основанием нескольких обращений в Конституционный Суд РФ. Однако, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ презумпция согласия как форма нормативного регулирования в системе действующего законодательства Российской Федерации в области донорства органов не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан⁵¹.

Исходя из этого, существующее на сегодняшний день в России правовое регулирование в сфере трансплантации создаёт почву для различного рода злоупотреблений в сфере посмертного донорства.

Тем не менее, существующая в мире проблема дефицита органов не позволяет обеспечить нужды системы здравоохранения за счёт материалов, полученных у умерших доноров. Кроме того, получение пригодных для пересадки трансплантатов у трупа представляет особую сложность с медицинской точки зрения. Это связано с тем, что после смерти органы и ткани перестают снабжаться кровью, и начинается быстрый процесс их разрушения, вызванный нехваткой кислорода, поэтому трансплантация должна быть произведена в самые короткие сроки. На практике пригодные для трансплантации органы и ткани получают, как правило, у лиц, поступивших в медицинское учреждение с черепно-мозговой травмой, после констатации смерти мозга, но до наступления биологической смерти.

Особенную актуальность указанная проблема приобретает именно в условиях вооружённого конфликта. С технической точки зрения изъятие пригодных для последующей пересадки органов и (или) тканей у трупов становится ещё более сложным.

⁴⁹ Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. 14.01.1993 г., № 2, ст. 62.

⁵⁰ при жизни (лат.).

⁵¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэллы Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

Между тем, возможность получения трансплантатов у живых лиц, находящихся во власти противоборствующей стороны, в условиях вооружённого конфликта существенно облегчается.

Так, в апреле 2012 г. прокуратура Сербии заявила, что занимается расследованием дела бывшего командующего освободительной армией Косова Фатмира Лимая. По данным правоохранительных органов, он подозревается в депортации сербов в лагеря на севере Албании, где у них незаконно изымались органы для трансплантации⁵².

Утрата органа или утрата органом его функций по российскому уголовному закону является признаком тяжкого вреда здоровью. При этом умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего, является преступлением, предусмотренным п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ. В отличие от органов, изъятие у лица тканей при наличии к тому оснований может квалифицироваться как умышленное причинение средней тяжести (ст. 112 УК РФ) или лёгкого (ст. 115 УК РФ) вреда здоровью. Однако квалификация противоправного изъятия трансплантатов у лица *ex vivo* в условиях вооружённого конфликта по данным статьям видится неверной.

Необходимо отметить, что удаление органов и (или) тканей у лиц, лишённых свободы в условиях вооружённого конфликта, прямо запрещено ст. 11 I Протокола. Ст. 13 III Женевской конвенции запрещает подвергать военнопленных научным и медицинским опытам. Как справедливо отмечается в литературе, деяния, связанные с изъятием трансплантатов, по своей правовой природе приравниваются к биологическим, медицинским и научным опытам⁵³. Согласно подп. «а» («ii»), «b» («x»), «e» («xi») п. 2 ст. 8 Римского Статута МУС биологические эксперименты в отношении лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, признаются серьёзными нарушениями международного гуманитарного права и военными преступлениями.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что *de lege lata* прижизненное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, должно квалифицироваться по статье ст. 356 УК РФ, расположенной в разделе «Преступления против мира и безопасности человечества», поскольку является посягательством на наиболее важные общественные отношения, причинение вреда которым вызывает озабоченность всего международного сообщества.

⁵² См.: From Kosovo's Organ-Harvesting Controversy to Special Court // Balkan Transitional Justice <<http://www.balkaninsight.com/en/article/timeline-kosovo-organ-harvesting>> (дата обращения: 17.10.2017 г.).

⁵³ См.: Давид Э. Принципы права вооружённых конфликтов. М., 2000. С. 509.

В то же время отечественный законодатель при конструировании состава данного преступления использует термин «жестокое обращение», который требует отдельного толкования. Как отмечалось выше, в практике органов международной юстиции под жестоким обращением понимается практически любое военное преступление, ставящее под угрозу жизнь или здоровье человека. Данный подход разделяется также многими представителями доктрины международного гуманитарного и уголовного права⁵⁴.

Между тем, термином «жестокое обращение» оперирует и Римский Статут МУС. Так, в соответствии с подп. «с» («i») п. 2 ст. 8 этого акта жестокое обращение является военным преступлением и рассматривается как частный случай посягательства на жизнь и личности наряду с убийством, причинением увечий и пытками.

Термины «жестокое обращение» и «бесчеловечное обращение» используются в практике МУС в качестве равнозначных, что вытекает из положений Элементов преступлений Международного уголовного суда 2002 г.⁵⁵ (далее – Элементы преступлений).

Так, под военным преступлением в виде бесчеловечного (жестокое) обращения понимается причинение сильной физической или психической боли или страданий одному или нескольким лицам. Удаление же какого-либо органа и (или) ткани образует состав другого военного преступления – нанесения увечий.

Следует отметить, что указанные нормы Римского Статута МУС, толкуемые в Элементах преступлений, распространяются только на лиц, не принимающих активного участия в военных действиях. В случае изъятия органов и (или) тканей у иных категорий лиц, следует применять положения Римского Статута МУС, запрещающие проведение биологических, медицинских и научных экспериментов.

Несмотря на то, что термин «жестокое обращение», используемый для конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, представляется не вполне удачным, в российской уголовно-правовой доктрине преобладает подход, согласно которому жестокое обращение является собирательным понятием для всех противоправных деяний в отношении личности, запрещенных «правом Женевы»⁵⁶.

⁵⁴ См., напр.: Русинова В.Н. Нарушение международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. М., 2006. С. 98.; Кибальник А.Г., Соломенко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004. С. 227.

⁵⁵ Элементы преступлений Международного уголовного суда от 09.09.2002 г. № ICC-ASP/1/3 (part II-B) // United Nations <http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf> (дата обращения: 17.10.2017 г.).

⁵⁶ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 916 (Автор комментария – М.Г. Левандовская); Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 491 (Автор главы – Л.В. Иногамова-Хегай).

Другими словами, прижизненное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта может и должно квалифицироваться по ст. 356 УК РФ.

В то же время, как и в случае совершения убийства в условиях вооружённого конфликта, круг возможных потерпевших по действующему закону ограничивается военнопленными и гражданским населением, что в должной мере не обеспечивает охрану других лиц, вовлечённых в вооружённый конфликт, от рассматриваемых посягательств.

Существенной особенностью прижизненного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта является то, что в указанной обстановке условия правомерности получения трансплантатов у живых лиц несколько трансформируются по сравнению с условиями, существующими в мирное время.

Так, в обычной ситуации, уголовная противоправность действий по изъятию органов и (или) тканей человека *ex vivo* обусловлена только отсутствием согласия лица на изъятие у него трансплантатов либо невозможностью выразить согласие вследствие несовершеннолетия или недееспособности⁵⁷.

В условиях вооружённого конфликта ситуация несколько меняется. Элементы преступлений содержат положения о том, что согласие лица на биологический, медицинский, научный эксперимент или причинение увечий не является обстоятельством, освобождающим от ответственности. Это обусловлено тем, что лица, покровительствуемые по смыслу «права Женевы», *ipso facto*⁵⁸ неспособны в полной мере руководить своим поведением и осознанно принимать решения, поскольку находятся в тяжелой ситуации, на них легко оказывать давление, воспользовавшись уязвимым положением указанных лиц⁵⁹.

Например, турецкий хирург Юсуф Эрчин Сонмез по кличке «Доктор Вампир», предположительно занимавшийся незаконными пересадками органов во время вооружённого конфликта в Косово, заявлял, что его пациенты добровольно подписывали документы о своём согласии на изъятие трансплантатов, жертвуя их в «гуманитарных целях». Тем не менее, Сонмез был объявлен в международный розыск⁶⁰.

Кроме того, преступлением признается любая медицинская процедура, не диктуемая состоянием здоровья соответствующего лица и *не отвечающая общепринятым медицинским стандартам*, которые применялись бы в аналогичных медицинских

⁵⁷ См.: Дорогин Д.А. Указ. соч. С.144.

⁵⁸ в силу самого факта (лат.).

⁵⁹ См.: Дорогин Д.А., Ноженко М.О. Изъятие органов или тканей у лиц, лишённых свободы в условиях вооружённого конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными // Право в Вооружённых Силах. 2017. №10 (243). С.84

⁶⁰ См.: Торговлю органами в Косово мог организовать «Доктор Вампир» // РИА новости <<https://ria.ru/justice/20101218/310516429.html>> (дата обращения: 18.10.2017 г.).

ситуациях к лицам, являющимся гражданами осуществляющей процедуры стороны и не сталкивающимся с какими-либо ограничениями личной свободы.

Таким образом, поскольку получение пригодных для пересадки органов и (или) тканей у трупа представляет с медицинской точки зрения особую сложность, а возможность получения трансплантатов у живых лиц в условиях вооружённого конфликта существенно облегчается, эта обстановка способствует совершению таких преступлений. Будучи международным преступлением, изъятие органов и (или) тканей должно находить соответствующую уголовно-правовую оценку.

Тем не менее, действующий УК РФ не свободен от пробелов и противоречий в части регламентации уголовной ответственности за анализируемое преступление. De lege lata изъятие трансплантатов у военнопленных или гражданского населения рассматривается как жестокое обращение и квалифицируется, соответственно, по ст. 356 УК РФ. Аналогичное деяние, совершённое в отношении иных лиц, находящихся под покровительством «права Женевы», при буквальном толковании уголовного закона по данной норме квалифицироваться не может.

Кроме того, из анализа норм международного гуманитарного права, следует сделать вывод о том, что понятие «жестокое обращение» для регламентации уголовной ответственности за прижизненное изъятие органов и (или) тканей человека не подходит. Хотя в российской уголовной доктрине данный термин толкуется как собирательный, данный подход не в полной мере соответствует бланкетной составляющей диспозиции ст. 356 УК РФ. В связи с этим видится необходимым внести в уголовный закон соответствующие изменения.

При квалификации прижизненного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта следует учитывать, что согласие потерпевшего не является основанием освобождения от уголовной ответственности. Помимо этого, состав преступления имеет место при проведении операции, не отвечающий общепринятым медицинским стандартам.

§ 3. Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за противоправное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта

Представляется, что существующая уголовно-правовая регламентация ответственности за изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта несовершенна и требует внесения ряда изменений в УК РФ.

При этом необходимо учитывать соответствующие положения международных документов. Несмотря на то, в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского Статута Международного уголовного суда»⁶¹ Российская Федерация более не является участником Римского Статута МУС, данный факт не затрагивает международных обязательств государства в части криминализации общественно опасных деяний, запрещённых Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним. В свою очередь, учёт положений Римского Статута МУС необходим для уяснения смысла предписаний, содержащихся в «праве Женевы», поскольку данный правовой акт на сегодняшний день является наиболее полной кодификацией норм о международных военных преступлениях.

Кроме того, видится целесообразным учёт опыта криминализации международных преступлений в зарубежных странах, прежде всего, в странах СНГ.

Охрана общественных отношений в сфере посмертного изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта в настоящее время обеспечивается посредством применения трёх статей УК РФ. *De lege ferenda*⁶² уголовно-правовая оценка анализируемых деяний должна осуществляться посредством использования двух статей УК РФ.

Так, введение дополнительной нормы об ответственности за изъятие трансплантатов у трупа человека в условиях вооружённого конфликта видится излишней, поскольку квалификация указанных действий по ст. 244 УК РФ в полной мере отвечает задачам охраны общественных отношений в рассматриваемой сфере. В то же время, действующая редакция ст. 244 УК РФ является несовершенной в части формулирования предмета посягательства, а также отсутствия легального определения понятия «надругательство». В связи с этим, диспозицию ст. 244 УК РФ в рассматриваемой части предлагается сформулировать следующим образом:

«Надругательство над трупом или прахом умершего человека, в том числе мертворождённого...».

Также целесообразно предусмотреть к ст. 244 УК РФ примечание, в котором необходимо дать легальное определение понятию «надругательство». Под последним следует понимать незаконное действие (бездействие), грубо противоречащее сложившимся в обществе традициям и обычаям отношения к умершему человеку, в том

⁶¹ Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского Статута Международного уголовного суда» // Российская газета. 2016. 18 ноября.

⁶² по желаемому закону (лат.).

числе допустимым формам его погребения. Поскольку перечислить все возможные способы надругательства в указанном примечании проблематично или даже невозможно, их содержание необходимо разъяснить судам в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Кроме этого, необходимо учитывать, что в условиях вооружённого конфликта рассматриваемые деяния могут приобретать массовый характер. В связи с этим представляется целесообразным предусмотреть в качестве квалифицирующего признака преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, совершение надругательства над двумя или более трупами либо прахом двух или более умерших, в т.ч. мертворождённых.

Посмертное изъятие биологических объектов человека в условиях вооружённого конфликта часто опосредуется совершением убийства. Убийство лица, находящегося под защитой Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, является международным военным преступлением, основным непосредственным объектом которого являются общественные отношения в сфере надлежащего исполнения государством международных обязательств. Исходя из этого, норма, предусматривающая ответственность за данное деяние должна располагаться в главе 34 УК РФ.

Аналогичный вывод можно сделать относительно уголовно-правовой регламентации ответственности за прижизненное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта.

Как отмечалось выше, *de lege lata* единственной подходящей для квалификации указанных деяний нормой является ст. 356 УК РФ, действующая редакция которой требует существенных изменений. Следует отметить, что само название данной нормы не отражает её содержания: жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением, которое включает в себя убийство и прижизненное изъятие органов и (или) тканей, не является применением запрещённых методов и средств войны.

Говоря об убийстве военнопленных и гражданского населения, следует отметить, что речь идёт о простом убийстве, при наличии же цели использования органов и (или) тканей потерпевшего квалификация только по данной норме невозможна. Решить данную проблему можно путём увеличения санкции в ст. 356 УК РФ, предусмотрев наряду с лишением свободы на срок до 20 лет альтернативное наказание в виде пожизненного лишения свободы, а также смертной казни. Однако такой выход видится нецелесообразным, поскольку подобное изменение будет нарушать принцип справедливости: очевидно, что общественная опасность, например, убийства в целях использования трансплантатов и причинения вреда здоровью в тех же целях различна, в то время как наказание за их совершение будет одинаковым.

В связи с этим уместно обратиться к законодательному опыту Республики Казахстан. Так диспозиция ч. 1 ст. 163 УК Казахстана⁶³ («Применение запрещённых средств и методов ведения войны») идентична ч. 1 ст. 356 УК РФ, однако максимальный срок наказания меньше и составляет 15 лет лишения свободы. В то же время ответственность за убийство лиц, сдавших оружие или не имеющих средств защиты, раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, медицинских работников, санитарного и духовного персонала, военнопленных, гражданского населения на оккупированной территории или в районе военных действий, иных лиц, пользующихся во время военных действий международной защитой, предусмотрена ч. 2 ст. 164 УК Казахстана («Нарушение законов и обычаев войны») и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет, либо пожизненного лишения свободы с лишением гражданства Республики Казахстан или без такового, либо смертной казни.

Следует отметить, что законодателем Казахстана также решена проблема определения круга потерпевших от военного преступления в виде убийства в условиях вооружённого конфликта, которая существует в УК РФ. Видится удачным использование открытого перечня потерпевших за счёт конструкции «лица, пользующиеся во время военных действий международной защитой». Как представляется, данное решение может быть заимствовано отечественным законодателем.

В то же время, в ст. 163 УК Казахстана, так же, как и в ст. 356 УК РФ, используется понятие «жестокое обращение», не раскрывая его. Как отмечалось выше, данный термин не подходит для регламентации уголовной ответственности за прижизненное изъятие органов и (или) тканей человека. Кроме того, и ч. 1 ст. 163 УК Казахстана, и ч. 1 ст. 356 УК РФ ограничивает круг потерпевших от данного преступления военнопленными и гражданским населением. Из этого можно сделать вывод, проблема квалификации изъятия органов и (или) тканей человека *ex vivo* в условиях вооружённого конфликта законодателем Республики Казахстан также не решена.

Заслуживающим внимания в части регламентации уголовной ответственности за прижизненное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта видится УК Таджикистана. Так, ст. 404 УК Таджикистана прямо предусматривает ответственность за применение к лицам, находящимся во власти противной стороны, задержанным или каким-либо иным образом лишённым свободы, даже с их согласия действий, повлекших физические увечья, проведение медицинских или научных экспериментов, операций по удалению тканей или органов для пересадки.

⁶³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V // ИС «Параграф» <http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=1630000> (дата обращения: 17.10.2017 г.).

Следует отметить, что текстуально данная норма повторяет соответствующие положения I Протокола. В то же время ст. 404 УК Таджикистана также не распространяет своё действие на все категории лиц, покровительствуемых «правом Женевы». Так, прижизненное изъятие органов и (или) тканей у медицинского или духовного персонала с позиций уголовного законодательства Таджикистана должно рассматриваться как умышленное нарушение норм международного гуманитарного права, выразившееся в попытках и бесчеловечном обращении, включая биологические эксперименты, проводимые над людьми (п. «а» ч. 2 ст. 403 УК Таджикистана).

Следует отметить, что УК Таджикистана содержит три статьи, предусматривающие ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права. Указанные предписания практически полностью дублируют положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Указанное решение видится спорным, поскольку диспозиции данных норм сложны для восприятия и сходны между собой, что создаёт трудности при их разграничении.

Наиболее совершенным в части регламентации уголовной ответственности за военные преступления, в частности, за прижизненное изъятие органов и (или) тканей у лиц, покровительствуемых «правом Женевы», представляется УК Молдовы⁶⁴.

Прежде всего, необходимо отметить, что при конструировании составов преступлений против мира и безопасности человечества, молдавский законодатель руководствуется концепцией, лежащей в основе Римского Статута МУС. Уголовная ответственность за подвергание лица, охраняемого международным гуманитарным правом, в рамках международного либо немеждународного вооруженного конфликта серьёзной опасности для жизни или здоровья посредством совершения экспериментов любого рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, терапевтического или больничного лечения соответствующего лица, относительно которых лицо не выразило свое добровольное, ясное и предварительное согласие и которые не осуществляются в его интересах, предусмотрена п. «а» ч. 2 ст. 137 УК Молдовы. Понятие охраняемых международным гуманитарным правом лиц раскрывается в ст. 127-1 УК Молдовы и включает в себя любых лиц, покровительствуемых Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним.

Для целей имплементации в УК РФ международно-правовых норм об ответственности за преступления, связанные с изъятием органов и (или) тканей человека,

⁶⁴ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985-XV // ИС «Параграф» <http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#pos=0;0> (дата обращения: 19.10.2017 г.).

подход, используемый в УК Молдовы, несмотря на свою прогрессивность, неприменим. Эффективное использование в отечественном уголовном законе концепции конструирования составов преступлений против мира и безопасности человечества на основе Римского Статута МУС возможно лишь при условии внесения кардинальных изменений в гл. 34 УК РФ. Кроме того, подобное предложение вряд ли будет положительно воспринято российским законодателем в виду сложившейся политической обстановки, повлекшей выход Российской Федерации из Римского Статута МУС.

Исходя из анализа международных правовых актов, зарубежного законодательства, а также научной и учебной литературы, представляется наиболее удачным предложение по имплементации международно-правовых о нарушениях «права Женевы» в УК РФ, сформулированное Г.И. Богушем, Г.А. Есаковым и В.Н. Русиновой. Так, авторы предлагают исключить из диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ деяния, которые не являются применением запрещённых средств и методов ведения войны, в т.ч. жестокое обращение с военнопленным и гражданским населением, одновременно дополнив действующий УК РФ ст. 356¹ «Преступное нарушение международного гуманитарного права во время вооружённого конфликта». По мнению авторов, в ч. 2 ст. 356¹ УК РФ следует предусмотреть уголовную ответственность за умышленное причинение вреда здоровью, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, биологические и иные эксперименты, *заведомо незаконное изъятие органов и (или) тканей для трансплантации* (курсив мой – О.З.), а также иные преступления, затрагивающие права лиц, покровительствуемых во время вооружённого конфликта.

Посягательство на жизнь покровительствуемого лица в рамках данного предложения должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 356¹ УК РФ и наказываться лишением свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо пожизненным лишением свободы⁶⁵.

Представляется, что данный подход соответствует целям охраны общественных отношений от рассматриваемых посягательств и учитывает все основные положения «права Женевы». Однако поддерживая данное предложение по существу, нельзя полностью согласиться с редакцией предлагаемых уголовно-правовых норм.

Прежде всего, необходимо отметить, что в формулировке «заведомо незаконное изъятие органов и (или) тканей для трансплантации» содержится указание на конечную цель изъятия – проведение пересадки. Как отмечалось выше, органы и (или) ткани

⁶⁵ См.: Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. М., 2017. С. 22-24.

человека могут изыматься и в иных, отличных от трансплантации, целях, чаще всего, коммерческих. Поэтому видится необходимым исключить из диспозиции предлагаемой уголовно-правовой нормы словосочетание «для трансплантации».

Другим недостатком, на который следует обратить внимание и устранить при введении ст. 356¹ УК РФ, является санкция за посягательство на жизнь покровительствуемого лица. Наиболее строгий вид наказания, предлагаемый авторами, - пожизненное лишение свободы. В то же время, как уже отмечалось, за совершение данного преступления необходимо предусмотреть наказание в виде смертной казни, поскольку в ином случае убийство покровительствуемого лица при наличии квалифицирующих признаков должно будет рассматриваться как совокупность преступлений, в виду более строгой санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В то же время положительно следует оценить предложение авторов ввести уголовную ответственность именно за посягательство на жизнь лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, а не за оконченное убийство. Это подчеркивает высокую общественную опасность не только умышленного причинения смерти, но и покушения на убийство указанных лиц.

Таким образом, задача обеспечения надлежащей уголовно-правовой охраны общественных отношений от посягательств, связанных с изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, требует внесения ряда изменений в действующий УК РФ.

Прежде всего, изменения должны коснуться ст. 244 УК РФ, регламентирующий уголовную ответственность за надругательство над телами умерших. Так, видится необходимым более чётко сформулировать предмет посягательства как труп или прах умершего человека, в том числе мертворождённого. Также в примечании к ст. 244 УК РФ целесообразно дать легальное определение понятию «надругательство», под которым следует понимать незаконное действие (бездействие), грубо противоречащее сложившимся в обществе традициям и обычаям отношения к умершему человеку, в том числе допустимым формам его погребения. В то же время необходимо разъяснить судам в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ возможные способы надругательства, в частности, изъятие органов и (или) тканей у трупа человека. Совершение анализируемого деяния в условиях вооружённого конфликта должно учитываться судами в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, в соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Кроме того, видится рациональным предусмотреть в качестве квалифицирующего признака рассматриваемого преступления совершение надругательства над двумя или более трупами либо прахом двух или более умерших, в

т.ч. мертворождённых, поскольку в условиях вооружённого конфликта посмертное изъятие органов и (или) тканей человека приобретает массовый характер.

Что касается регламентации уголовной ответственности за изъятие трансплантатов в условиях вооружённого конфликта у живых лиц, а также за изъятие, опосредованное совершением убийства или выступающего его способом, следует отметить, что указанные деяния являются международными военными преступлениями. Исходя из этого, основным непосредственным объектом указанных посягательств являются общественные отношения в сфере надлежащего исполнения международных обязательств государства. Поэтому норма, предусматривающая ответственность за данное деяние, должна располагаться в главе 34 УК РФ.

Для целей имплементации в УК РФ международно-правовых норм об ответственности за преступления, связанные с изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, наиболее рациональным видится подход, согласно которому необходимо дополнить уголовный закон отдельной нормой, исключив из ст. 356 УК РФ указание на жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением.

Так, ст. 356¹ («Преступное нарушение международного гуманитарного права в условиях вооружённого конфликта») должна предусматривать уголовную ответственность за все серьёзные нарушения «права Женевы», в частности, за заведомо незаконное изъятие органов и (или) тканей у лиц, покровительствуемых во время вооружённого конфликта.

Отдельная часть указанной уголовно-правовой нормы должна регламентировать ответственность за посягательство на жизнь лица, находящегося под защитой международного гуманитарного права. При этом санкция за совершение указанного преступления должна предусматривать максимально строгий вид наказания вплоть до смертной казни.

Заключение

В существующей в настоящее время обстановке международной напряжённости особенно актуальной становится проблема обеспечения эффективных средств охраны прав и свобод лиц, как являющихся участниками вооружённых конфликтов, так и непосредственно не участвующих в них.

Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним предоставляют основные гарантии лицам, вовлечённым в вооружённые конфликты международного и немеждународного характера. Указанные документы обязывают государства предусмотреть уголовную ответственность за серьёзные нарушения международного гуманитарного права.

Поскольку привлечение к ответственности лиц, совершивших международные преступления, на национальном уровне не всегда возможно, в целях отправления правосудия по уголовным делам о таких преступлениях создана система органов международной юстиции, из которых основным является Международный уголовный суд.

Исходя из анализа международных правовых актов, можно заключить, что изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта является серьёзным нарушением Женевских конвенций и признаётся военным преступлением, относящимся к юрисдикции МУС.

Основным непосредственным объектом изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта являются наиболее важные общественные отношения, причинение вреда которым вызывает озабоченность международного сообщества, а также обеспечение которых достигается путём добросовестного выполнения государствами международных обязательств в части гуманного отношения к лицам, вовлечённым в вооружённый конфликт. Дополнительным объектом анализируемого преступления может быть жизнь либо здоровье личности.

Потерпевшим может быть только лицо, находящееся под покровительством «права Женевы».

Рассматриваемое преступление может совершаться только путём действия и влечёт общественно опасные последствия в виде смерти либо причинения вреда здоровью различной степени тяжести. Способом совершения анализируемого деяния является хирургическое вмешательство в организм живого человека, в результате которого удаляется тот или иной орган и (или) ткань. Аналогичные действия в отношении трупа человека с позиции международного уголовного права не признаются преступлением. Однако указанное обстоятельство не мешает государствам предусмотреть уголовную ответственность за противоправное изъятие органов и (или) тканей трупа в условиях

вооружённого конфликта в рамках национального законодательства. Обстановка международного или немеждународного вооружённого конфликта является обязательным признаком объективной стороны преступного нарушения международного гуманитарного права в части незаконной эксплантации органов и (или) тканей человека.

Субъективная сторона изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта характеризуется прямым умыслом.

Субъектом преступления по международному уголовному праву является достигшее возраста 18 лет, вменяемое, способное отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими физическое лицо. Однако в рамках национального законодательства возраст уголовной ответственности может быть снижен. Так, по УК РФ субъектом анализируемого преступления должно являться вменяемое физическое лицо, достигшее 16-тилетнего возраста.

В подавляющем большинстве случаев изъятие органов и (или) тканей человека совершается в соучастии. Как правило, в преступную входят группу медицинские работники и командование вооружённых сил стороны, участвующей в вооружённом конфликте. При этом согласно ст. Римского статута МУС командир или другой начальник, непосредственно не участвующий в совершении всех преступных действий, подлежит уголовной ответственности за преступление, совершённое находящимися под его контролем силами.

Следует отметить, что изъятие органов и (или) тканей человека может быть посмертным либо прижизненным.

В Российской Федерации уголовно-правовая охрана общественных отношений от посягательств, связанных с посмертным изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, обеспечивается рядом уголовно-правовых норм.

Так, изъятие органов и (или) тканей трупа по общему правилу надлежит квалифицировать по ст. 244 УК РФ с применением п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ при назначении наказания. Эксплантация биологических объектов человека, опосредованная умышленным причинением смерти потерпевшему, рассматривается с позиций УК РФ как убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего. При наличии у виновного на момент убийства указанной цели изъятие трансплантатов охватывается составом убийства, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку является промежуточным этапом реализации умысла.

Следует учитывать, что удаление трансплантатов, выступающее способом совершением убийства, представляет собой форму прижизненного изъятия органов и (или) тканей человека, однако на квалификацию содеянного данный факт не влияет.

De lege ferenda убийство в целях использования органов или тканей лица, покровительствуемого «правом Женевы», совершённое в условиях вооружённого конфликта, должно рассматриваться как преступление против мира и безопасности человечества. Однако de lege lata уголовная ответственность по ст. 356 УК РФ предусмотрена за совершение убийства только военнопленных или гражданского населения и при отсутствии отягчающих обстоятельств. В связи с тем, что цель использования органов или тканей потерпевшего является отягчающим признаком убийства, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных «м» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 356 УК РФ.

Действующий УК РФ также не свободен от пробелов и противоречий в части регламентации уголовной ответственности за прижизненное изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта. De lege lata изъятие трансплантатов у военнопленных или гражданского населения может рассматриваться как жестокое обращение и квалифицироваться по ст. 365 УК РФ. Аналогичное деяние, совершённое в отношении иных лиц, находящихся под покровительством «права Женевы», как и в случае их убийства, по данной норме квалифицироваться не может.

Кроме того, термин «жестокое обращение» видится неудачным для регламентации уголовной ответственности за изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, поскольку придаваемое ему значение не в полной мере соответствует бланкетной составляющей диспозиции ст. 365 УК РФ.

При квалификации изъятия органов и (или) тканей человека ex vivo в условиях вооружённого конфликта следует учитывать, что согласие потерпевшего не является основанием освобождения от уголовной ответственности. Помимо этого, состав преступления имеет место при проведении операции, не отвечающий общепринятым медицинским стандартам.

Таким образом, обеспечение эффективной уголовно-правовой охраны общественных отношений от посягательств, связанных с изъятием органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта, невозможно без внесения ряда изменений в действующий УК РФ.

Так, в части регламентации уголовной ответственности за изъятие органов и (или) тканей трупа, а также иных противоправных действий в отношении тела человека после смерти, видится необходимым сформулировать диспозицию ст. 244 УК РФ следующим образом:

«Надругательство над трупом или прахом умершего человека, в том числе мертворождённого...».

В примечании к данной статье целесообразно дать легальное определение понятию «надругательство», под которым следует понимать незаконное действие (бездействие), грубо противоречащее сложившимся в обществе традициям и обычаям отношения к умершему человеку, в том числе допустимым формам его погребения. Совершение анализируемого деяния в условиях вооружённого конфликта должно учитываться судами в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, в соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Кроме того, видится рациональным предусмотреть в качестве квалифицирующего признака рассматриваемого преступления совершение надругательства над двумя или более трупами либо прахом двух или более умерших, в т.ч. мертворождённых, поскольку в условиях вооружённого конфликта посмертное изъятие органов и (или) тканей человека приобретает массовый характер.

Что касается регламентации уголовной ответственности за изъятие трансплантатов в условиях вооружённого конфликта у живых лиц, а также за изъятие, опосредованное совершением убийства или выступающего его способом, следует отметить, что указанные деяния являются международными военными преступлениями. Исходя из этого, наиболее рациональным видится предусмотреть в уголовном законе отдельную норму, терминологически максимально приближенную к положениям соответствующих международных правовых актов, исключив из ст. 356 УК РФ указание на жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением.

Поскольку основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения в сфере надлежащего исполнения международных обязательств государства, норма, предусматривающая ответственность за данное деяние, должна располагаться в главе 34 УК РФ.

Так, ст. 356¹ («Преступное нарушение международного гуманитарного права в условиях вооружённого конфликта») должна предусматривать уголовную ответственность за все серьёзные нарушения «права Женевы», в частности, за заведомо незаконное изъятие органов и (или) тканей у лиц, покровительствуемых во время вооружённого конфликта.

Отдельная часть указанной уголовно-правовой нормы должна регламентировать ответственность за посягательство на жизнь лица, находящегося под защитой международного гуманитарного права. При этом санкция за совершение указанного преступления должна предусматривать максимально строгий вид наказания вплоть до смертной казни.

Библиографический список

1. НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1.1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014 г. № 31. Ст. 4398;

1.2. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Вместе с Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях) (Заклучена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М.,1957. С. 71-100, 279;

1.3. Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море (Заклучена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М.,1957. С. 101-124, 279;

1.4. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Вместе с Типовым соглашением по вопросу о непосредственной репатриации и госпитализации в нейтральной стране раненых и больных военнопленных, Положением о смешанных медицинских комиссиях, Правилами, касающимися коллективных посылок помощи военнопленным и Типовыми правилами, касающимися денежных переводов) (Заклучена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М.,1957. С. 125-204, 279-280;

1.5. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Вместе с Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях, Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным) (Заклучена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М.,1957. С. 204-278, 280;

1.6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I) (подписан в г. Женеве 08.06.1977 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134-182;

1.7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера

(Протокол II) (подписан в г. Женеве 08.06.1977 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 182-191;

1.8. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III) (подписан в г. Женеве 08.12.2005 г.). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс»;

1.9. Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 года, с изменениями, внесёнными Протоколом от 7 декабря 1953 года (Заключена в г. Женеве 25.09.1926 года). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс»;

1.10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3;

1.11. Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (Заключена в г. Сантьяго-де-Компостела 25.03.2015 г.) Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс»;

1.12. Римский Статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998 г.). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс»;

1.13. Элементы преступлений Международного уголовного суда от 09.09.2002 г. № ICC-ASP/1/3 (part II-B) // United Nations <http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf> (дата обращения: 17.10.2017 г.);

1.14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996 г. № 25. Ст. 2954;

1.15. Закон РФ от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. 14.01.1993 г. № 2. Ст. 62;

1.16. Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского Статута Международного уголовного суда» // Российская газета. 2016. 18 ноября.

2. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

2.1. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3;

2.2. Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека"». Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс»;

2.3. Решение Международного трибунала по бывшей Югославии от 16.11.1998 г. по делу «Прокурор против З. Делалича, З. Мусича, Х. Делича и Э. Ландзо» («Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo») (Дело № IT-96-21-T) // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <http://www.icty.org/x/cases/mucic/tjug/en/981116_judg_en.pdf> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

2.4. Решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Прокурор против Крстича» //International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <<http://www.icty.org/x/cases/krstic/acjug/en/krs-aj040419e.pdf>> (дата обращения: 11.10.2017);

2.5. Решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Прокурор против Стакича» //International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <<http://www.icty.org/x/cases/stakic/tjug/en/stak-tj030731e.pdf>> (дата обращения: 11.10.2017);

2.6. Решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Прокурор против Тадича» // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia <<http://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/51002.html>> (дата обращения: 10.10.2017);

2.7. Постановление ЕСПЧ от 06.06.2013 г. по делу «Масхадова и другие (Maskhadova and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 18071/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4;

2.8. Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 г. по делу «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики» (жалоба № 61243/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3 (15);

2.9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля;

2.10. Приговор Саратовского областного суда от 13.06.2012 г. по делу № 2-30/2012 // Саратовский областной суд <http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=64400001208201732266091001222441> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

2.11. Приговор Алексинского городского суда Тульской области от 16.06.2011 г. по делу № 1-56/11 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-aleksinskij-gorodskoj-sud-tulskaya-oblast-s/act-100569283/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

2.12. Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края от 18.04.2012 г. по делу № 1-158/12 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-georgievskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-104598936/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

2.13. Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области от 28.12.2011 г. по делу № 1-586/2011 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-novocherkasskij-gorodskoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-461400503/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

2.14. Приговор Печорского городского суда Республики Коми от 28.07.2010 г. по делу № 1-254/10 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-pechorskij-gorodskoj-sud-respublika-komi-s/act-100110345/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

2.15. Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия от 27.08.2009 г. по делу № 1-184/2009 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-askizskij-rajonnyj-sud-respublika-hakasiya-s/act-102880713/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

2.16. Приговор Ижемского районного суда Республики Коми от 13.02.2015 г. по делу № 1-2/15 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-izhetskij-rajonnyj-sud-respublika-komi-s/act-518568299/>> (дата обращения: 16.10.2017 г.);

3. НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

3.1. Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. М., 2003;

3.2. Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. М., 2017;

3.3. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3;

3.4. Давид Э. Принципы права вооружённых конфликтов. М., 2000;

3.5. Дорогин Д.А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование. М., 2016;

3.6. Дорогин Д.А. Изъятие органов или тканей человека в условиях вооружённого конфликта: теоретическая модель состава преступления и уголовно-правовая оценка в международном и российском уголовном праве // Российское правосудие. 2017. № 11(139);

3.7. Дорогин Д.А., Ноженко М.О. Изъятие органов или тканей у лиц, лишённых свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными // Право в Вооруженных Силах. 2017. №10 (243);

3.8. Егоров А.Ю. Правовой статус некомбатантов (на примере религиозного персонала) // Политика, государство и право. 2015. № 6;

3.9. Исмагилов Р.А., Шарапов Р.Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны. М., 2014;

3.10. Кибальник А.Г., Соломенко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004;

3.11. Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // Lex russica. 2015. № 9;

3.12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016;

3.13. Костенко Н.И. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. М., 2016;

3.14. Русинова В.Н. Нарушение международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. М., 2006;

3.15. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. СПб., 2002;

3.16. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983;

3.17. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016;

3. 18. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. СПб., 2005.

4. ИНЫЕ ИСТОЧНИКИ

4.1. Греческие рыбаки: в Турции вырезали из мигрантов органы и скидывали трупы в море // Вести.ru <<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2765644>> (дата обращения: 09.10.2017).

4.2. Сотрудник СБУ рассказал, как в зоне АТО «потрошат» людей на органы // МК.ru <<http://www.mk.ru/social/2015/11/11/sotrudnik-sbu-rasskazal-kak-v-zone-ato-potroshat-lyudey-na-organy.html>> (дата обращения: 09.10.2017);

4.3. Торговлю органами в Косово мог организовать «Доктор Вампир» // РИА новости <<https://ria.ru/justice/20101218/310516429.html>> (дата обращения: 18.10.2017 г.);

4.4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V // ИС «Параграф» <http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=1630000> (дата обращения: 17.10.2017 г.);

4.5. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985-XV // ИС «Параграф» <http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#pos=0;0> (дата обращения: 19.10.2017 г.);

4.6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // ИС «Параграф» <http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#pos=3898;266&pos2=231;0> (дата обращения: 11.10.2017 г.);

4.7. From Kosovo's Organ-Harvesting Controversy to Special Court // Balkan Transitional Justice <<http://www.balkaninsight.com/en/article/timeline-kosovo-organ-harvesting>> (дата обращения: 17.10.2017 г.).